

ные сокровища, которые попали в южнославянские литературы в XIII и XIV вв., дают право думать, что в данный период Россия вернула славянским Балканам почти все, что приняла от них во время создания своей письменности, и прибавила многое из того, что сама создала в XI и XII вв. Другими словами, мне кажется, что в первой половине XIII в. южнославянские литературы должны были обладать большей частью литературных богатств, которые в то время составляли общую православно-славянскую литературную сокровищницу.

Как и при рождении русской литературы в первой половине XI в., процесс восстановления южнославянских литератур после 200-летней византийской ромеизации и инквизиционного искоренения славянской письменности осуществлялся в течение очень короткого промежутка времени — в первые десятилетия XIII в. И в первом, и во втором случаях, мне кажется, это явление нужно объяснить общим психологическим фактором — мощным духовным брожением пробудившихся творческих сил на пороге новой эпохи при рождении новых условий государственной и общественной жизни. На Руси в первые годы XI в. этот толчок дали христианизация и связанные с ней переустройство общественных отношений и новая государственная идеология; у южных славян — пробуждение национального и государственного самосознания после освобождения от политического и культурного двухсотлетнего ига. В качестве аналогии можно привести и спонтанное рождение болгарской письменности в годы великодержавной политики Симеона Великого в соответствии с его византийско-имперской государственной идеологией, а позднее и рождение нового литературного движения на Руси, связанного со вторым южнославянским влиянием в годы могучего пробуждения национального духа после победы над татарами в 1380 г.

Литературное движение у сербов и болгар в XIII и XIV вв.

Как эпоха создания южнославянской письменности при Симеоне Великом, так и возрождение южнославянских литератур в XIII в. было связано с активной деятельностью по переводу греческих произведений. Это видно уже в трудах св. Саввы сербского. Если библиотека русского монастыря на Афоне за 25 лет, протекших от упомянутой описи 1169 г. до прихода Саввы на Афон, не разрослась в большой степени, то в течение первых месяцев своего пребывания на Святой Горе Савва мог овладеть Патериком, Ефремом Сирином и житием Панкратия Тавроменийского, которые имелись в этой библиотеке вместе с богослужебными книгами и Номоканонем. Можно думать, что его скорый уход из русского монастыря в греческий Ватопед был вызван не столько желанием греческого монашества переманить в свою среду сына сербского государя, сколько потребностью, которую сам св. Савва мог осознать на Афоне: вполне овладеть греческим языком и в богатой ватопедской библиотеке оказаться у источника православного просвещения и греческой культуры. Возможно, что и его исключительная щедрость дарений в отношении к Ватопеду, где он выстроил три храма и покрыл оловом главную церковь, являлась выражением признательности за те культурные сокровища, которые Савва мог почерпнуть из ватопедской библиотеки. Его первые труды — типики и Служба с похвалой св. Симеону — связаны с греческими образцами. Архирейский служебник и руководство для чтения Псалтири — переводы. При создании сербской Кормчей, кроме использования древней болгарской редакции в русском списке, выполнен и перевод новой греческой редакции